

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(100)''19''

КОНЦЕПТ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ДРУЖБА» В ИДЕОЛОГИИ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПОЗДНЕСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ ГДР И СССР¹

А. В. Белова

Тверской государственный университет,
кафедра всеобщей истории, г. Тверь, Россия

Статья посвящена неизученной проблеме интернациональной дружбы школьниц по переписке в обществах позднего социализма в ГДР и СССР, выступавшей одновременно и элементом их повседневной жизни, и способом конструирования образа социалистической повседневности. На основе исследования неопубликованных материалов писем и опубликованных нормативных и идеологических источников, письменных и визуальных, анализируется соотношение «идеологического» и «внеидеологического» в письмах школьниц ГДР. Особое внимание уделяется функциональному назначению и гендерной специфике интернациональной переписки школьниц, дискурсу письма, адресованного иностранной сверстнице, влиянию образа «другой» повседневности на межкультурное восприятие и отношение собственно к «своей» повседневности. В заключение делается вывод о том, что для советских школьниц ГДР была самым «близким» и «понятным» Другим из всего социалистического лагеря.

Ключевые слова: межкультурные взаимодействия, история ГДР, поздний социализм, социалистическая идеология, интернациональная дружба, история повседневности, детская повседневность, женская история, гендер, гендерные исследования.

История ГДР (1949–1989) воплощает уникальный опыт социального конструктивизма, интерес к изучению которого как в немецкой, так и в российской историографии усиливается в последнее время². Историкам, социальным антропологам редко удаётся зафиксировать общества, формирование, эволюция и крушение которых составляли бы столь компактный

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект «Материнская идентичность, семейная и коллективная память о женском предназначении в России: динамика изменений за три века») 2015–2017 гг.

² Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Аконян. М., 2015.

Povsednevnaja zhizn' pri socializme, Nemeckie i rossijskie podhody, pod red. Ja. K. Berendsa, V. Dubinoj, A. Sorokina, s uchastiem E. Akonjan, M., 2015.

хронологический период – ровно сорок лет. С точки зрения глобальной истории – это минимальный отрезок времени, на протяжении которого могут быть отслежены исторические процессы, однако в ракурсе истории повседневности имеется в виду построение и гибель целого культурного мира со специфической каждодневной жизнью нескольких поколений людей, их буднями и праздниками, маленькими триумфами и большими трагедиями.

Предметная область данной статьи связана с решением таких общих научных проблем, как самоощущение детской личности в условиях диктатуры, влияние коммунистического режима на складывание картины мира и формирование системы ценностей подрастающего поколения, способность к самовыражению в заданных идеологических условиях, корреляция фреймов внешних предписаний и границ внутренне допустимого. Исходным тезисом является то, что идеологически мотивированные и инспирированные модели поведения, придавая известную устойчивость картине мира ребёнка в детском и подростковом возрасте, не исключали, по крайней мере в последнее десятилетие, существования коммунистического режима, некоторых возможностей внутренней компенсации формальных ограничений за счёт обнаружения в них внеидеологических культурных смыслов и значений. Иными словами, неосознанное профанирование «идеологического» в школьном сознании позднесоциалистических обществ, восприятие его как проформы при выхолащивании реального содержания приводило к интуитивному поиску «живого», «человеческого» наполнения для социальных образцов и отношений, для воображаемого пространства самореализации.

Цель статьи – выявить маркеры «идеологического» и «внеидеологического» в интернациональной дружбе школьниц по переписке, выступающей одновременно и элементом их повседневности, и способом конструирования образа этой повседневности. Исследовательские задачи заключаются в следующем: уточнить функциональное назначение и гендерную специфику интернациональной переписки школьниц, проанализировать дискурс письма, адресованного иностранной сверстнице, выявить в нем каноническое и внеканоническое, определить влияние образа «другой» повседневности на межкультурное восприятие и отношение собственно к «своей» повседневности.

Методология статьи связана с подходами истории повседневности как «пережитой» истории³ «маленьких» людей и одновременно «истории изнутри» (*Geschichte von innen*)⁴, основанной на анализе «субъективных источников» (*subjektive Quellen*), в данном случае – писем, которые позволяют «увидеть» анализируемую проблему глазами самих участниц пере-

³ Bausinger H. Erlebte Geschichte – Wege zur Alltagsgeschichte // Saeculum 43. 1992. S. 95–107; Burkardt A. «Am Leben gescheitert?» Die Kritik der Mentalitätsgeschichte in Frankreich und der Alltag // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Berliner Geschichtswerkstatt (Hrsg.). [Red.: Heike Diekwisch et al.]. 1. Aufl. Münster, 1994. S. 60.

⁴ Groh D. «Geschichte von unten – Geschichte von innen». Blick über die Grenzen // Groh D. Anthropologische Dimensionen der Geschichte. Frankfurt am Main, 1992. S. 175–181.

писки в условиях включённости в различные властные иерархии (при понимании власти как среды, в которую повсеместно погружены индивиды) и с учетом поведения и реакций внутри них.

Повседневность – это жизненный континуум, непрерывность опытов, практик, восприятий, а главное – переживаний, реализующих субъективность. Повседневность имеет формальную длительность, определяемую суточным, годичным, жизненным циклами индивидов. Вместе с тем время повседневности – это субъективное время, дифференцируемое собственными вехами в зависимости от значимости того или иного индивидуального переживания и последующего воспоминания о нем. Эти вехи – структурообразующие ретроспективы повседневности – результат умножения субъективного опыта на поле культурных смыслов. При этом континуум повседневности обеспечивает своеобразное вневременное тождество идентичности, исходя из понимания «<Эго, или Я, которое> постоянно сопровождается сознанием того, что оно идентично самому себе: как бы явно ни видел человек собственные телесные, духовные и душевные изменения, он знает, что все-таки “по сути” (т.е. в самой сердцевине Я) он всегда остаётся тем же»⁵.

Методология статьи опирается также на опыт «включённого наблюдения», предполагающий не только исследовательское дистанцирование при изучении проблемы, но и анализ собственных ощущений и переживаний при погружении «внутри» изучаемого феномена. При этом этнологический метод «включённого» наблюдения акцентирует внимание исследователя не только на фактах, свидетельствах, излагаемых в письмах школьниц, способах этого изложения, но и на контексте повествования, на рефлексивно-эмоциональной и материально-вещной среде их повседневности.

Применение дискурсивного метода даёт основание судить о том, что разрешалось и запрещалось (гласно или негласно) девочкам писать, а иногда и думать, о себе и своём близком и дальнем окружении, выявлять в их письменной речи позиции власти и подчинения, доминирования и субординации в том или ином пространстве.

Интерпретативный метод применяется к анализу как письменных, так и визуальных источников, позволяя в первом случае расшифровывать скрытые или табуируемые смыслы, в том числе и подлежавшие неосознанному умолчанию, во втором – символику жестов, поз, композиции и характерных атрибутов изображения.

Источники для написания статьи – два собрания писем школьниц ГДР 1980-х гг. с привлечением нормативных документов, официальных идеологизированных текстов справочно-энциклопедического характера и пропагандистских иллюстраций.

Авторы писем – Анна Мюле (*Anna Mühle*), 1973 г. рождения, школьница из города Лейпцига (сохранилось 25 её писем к автору данной статьи, Анне Беловой, в то время советской школьнице из города Калинина, 1971

⁵ Philosophisches Wörterbuch. Neu bearbeitet von G. Schischkoff. Stuttgart, 1991. S. 319.

г. рождения, за период с 1981 по 1987 г. и два письма её мамы Татьяны Мюле) и Эллен Мюллер (*Ellen Müller*), 1968 г. рождения, школьница из деревни Шнейдлинген (*Schneidlingen*) под городом Магдебургом (сохранилось 9 её писем к советской школьнице из города Калинина Татьяне Чарцевой, 1970 г. рождения, за период с 1982 по 1989 г. и три письма её старшей сестры Уты Мюллер)⁶. Эти источники выбраны как примеры многолетней переписки, устойчивой межкультурной коммуникации, подкреплённой личными встречами. При этом и в одной, и в другой коллекции содержатся письма других адресанток из ГДР, ЧССР и Польши, которые не вполне соответствуют данному критерию.

Информационные возможности изучаемых эпистолярных источников, помимо прочего, обусловлены распространённостью и значимостью исследуемого явления в позднесоциалистическом обществе и отсутствием такого в обществе современном.

ГДР и СССР в контексте взаимного восприятия: ГДР как свой «другой». В советской идеологии СССР позиционировался как «старший брат» и образец даже не для подражания, а слепого копирования «младшими братьями», входившими в социалистическое содружество. Коммунистические и рабочие партии назывались «братскими партиями»⁷. При этом теорию осмысления отношений со странами социалистического лагеря можно интерпретировать как своего рода социалистический неозволюционизм, т. е. концепцию запаздывающего вступления на путь социализма с прохождением одних и тех же обязательных этапов. Для соцстран это означало клонирование институтов, структур и ошибок, подвёрстывание социальных реалий под навязываемые идеологические стандарты. Справедливости ради стоит заметить, что модель взаимоотношений «старшего» и «младшего брата» практиковалась и применительно к союзным республикам⁸, правда вербализовывалась иногда в терминах «сестринства». В процессе идеологизированного воспитания детям внушалась формула, отражающая структуру СССР и отношения в нем, заимствованная из стихотворения советского поэта Николая Асеева (1889–1963) «Москва – Россия»: «Пятнадцать республик советских, пятнадцать могучих сестёр», которых, «сбросив насилие и цепи веков расковав, в единство сплотила Россия и сблизила в братство Москва». Важно подчеркнуть, что фратерналистский дискурс советской идеологии, являвшийся эвфемизмом реальной патерналистской модели взаимоотношений СССР и социалистических стран, соотносился с официальной интерпретацией этих отношений как дружеских.

⁶ Письма хранятся в личном архиве автора. Ссылки на письма – внутритекстовые.

⁷ Пролетарский интернационализм // Краткий политический словарь / сост. и общ. ред. Л. А. Оникова и Н. В. Шишлина: 5-е изд., доп. М., 1988. С. 349–350.

Proletarskij internacionalizm, Kratkij politicheskij slovar', sost. i obshh. red. L. A. Onikova i N. V. Shishlina, 5-e izd., dop. M., 1988, S. 349–350.

⁸ См. напр.: Краткий курс истории России с древнейших времён до начала XXI века / под ред. В. В. Керова. М., 2013. С. 770.

Kratkij kurs istorii Rossii s drevnejshih vremjon do nachala XXI veka, pod red. V. V. Kerova, M., 2013, S. 770.

ГДР входила в ближний круг распространения советского влияния, которое в общем виде может быть типологизировано на самых близких, или иных «своих», представленных союзными республиками в составе СССР; близких, или своих «других» в виде коммунистических режимов Центральной и Восточной Европы, а также других стран, входивших в так называемую мировую социалистическую систему; средней удалённости, или «других» как потенциально «своих», ассоциировавшихся с так называемыми странами, развивающимися по пути социалистической ориентации, и дальних, или других «своих» в стане «чужих», выполнявших функцию своего рода «пятой колонны» коммунистических и рабочих партий несоциалистических стран.

Будучи одной из своих «других», ГДР, вместе с тем, находилась на особом счету у советской идеологии, выполняла функцию своего рода витрины социалистического строя. Из-за близости ФРГ, родственных связей людей и просачивавшейся через Берлинскую стену информации в ней стремились искусственно поддерживать более высокий уровень жизни.

Со своей стороны ГДР принимала правила субординации по отношению к СССР – своему «старшему брату» и наставнику.

Интернационализм как принцип социалистической идеологии: концепт интернациональной дружбы. В ГДР мифологема «дружбы с СССР» была закреплена на уровне конституционного права. Причем соответствующее положение Конституции 1968 г. входило в важнейшую ее часть – в Раздел I «Основы социалистического общественного и государственного строя» (*Abschnitt I: Grundlagen der sozialistischen Gesellschafts- und Staatsordnung*), в главу 1 «Политические основы» (*Kapitel 1: Politische Grundlagen*) и провозглашалось в статье 6 (*Artikel 6*)⁹. Всестороннее сотрудничество и дружба с СССР и другими социалистическими странами постулировались в Основном законе ГДР как соответствующие «принципам социалистического интернационализма».

В Конституции СССР 1977 г. содержалась более пространная формулировка в разделе «Основы общественного строя и политики СССР» в главе 4 «Внешняя политика» в статье 30 о том, что «СССР как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе принципа социалистического интернационализма...»¹⁰. При очевидном различии в статусе нормативных положений,

⁹ Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik (06.04.1968) // documentArchiv.de [Hrsg.]. URL: <http://www.documentArchiv.de/ddr/verfddr1968.html>, Stand: 16.02.2014.

¹⁰ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (7 октября 1977 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/cnst1977.htm#4> (дата обращения: 16.02.2014).

Konstitucija (Osnovnoj Zakon) Sojuza Sovetskih Socialisticheskikh Respublik (7 oktjabrja 1977 g.), [Elektronnyj resurs], URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/cnst1977.htm#4> (data obrashhenija: 16.02.2014).

первое из которых относится к внутривнутриполитическим основам государственности, а второе – к внешнеполитическим, они созвучны в трактовке отношений между СССР и социалистическими странами в терминах «дружбы», базирующейся на «принципе социалистического интернационализма».

«Краткий политический словарь» под общей редакцией Л. А. Ониконина и Н. В. Шишлина в 5-м дополненном издании 1988 г. в статье «Социалистический интернационализм»¹¹ предлагает смотреть статью «Пролетарский интернационализм», фактически считая их синонимами, в которой последний провозглашается «одним из основополагающих принципов деятельности коммунистов»¹². Ниже конкретизируется: «В основе социалистического интернационализма – *марксистско-ленинская идеология*, классовая солидарность, *дружба* (курсив мой. – А. Б.), добровольное сотрудничество на основе взаимной выгоды и взаимопомощи, полное равноправие, уважение независимости и суверенитета каждого государства»¹³.

«Дружба народов» предстаёт скрепляющим концептом в идеологии конструкта под названием «мировая система социализма», выступая одновременно и одним из её обоснований, и декларируемой нормой организации внутренних отношений, базирующихся, по официальной версии, на началах «добровольности», «равноправия» и «независимости». Подобный псевдодемократический дискурс составлял стандартную риторику документов, научной, учебной и пропагандистской литературы эпохи позднего социализма.

Интернационализм, идеология и дружба декларировались как фундаментальные взаимосвязанные концепты не только социалистической теории, но и практики. К 1972 г. Общество германо-советской дружбы (*Gesellschaft für deutsch-sowjetische Freundschaft*) в ГДР насчитывало 3,5 млн членов, 35 600 первичных ячеек и провело 460 000 манифестаций, занимая среди массовых организаций место между Объединением свободных немецких профсоюзов и Демократическим союзом женщин Германии¹⁴.

Первым опытом более или менее произвольных и массовых контактов советских людей с «живыми» иностранцами стал Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Москве в 1957 г. Время «оттепели» в СССР было сопряжено с осознанием важности направляемого и контролируемого интернационализма. Интернациональная дружба школьников воспринималась как способ социализации и формирования у них представления об орбитах советского идеологического и политического влияния.

В ГДР на рубеже 1950–1960-х гг., как и в СССР, концепт дружбы репрезентировался по-разному: от толерантности между представителями

¹¹ Социалистический интернационализм // Краткий политический словарь... С. 405. *Socialistischesj internacjonalizm, Kratkij politicheskij slovar'...* S. 405.

¹² Пролетарский интернационализм // Краткий политический словарь... С. 349. *Proletarskij internacjonalizm, Kratkij politicheskij slovar'...*, S. 349.

¹³ Там же. С. 349–350.

Ibid, S. 349–350.

¹⁴ См.: Grosser A. Geschichte Deutschlands seit 1945: Eine Bilanz / 2. Auflage. München, 1975. S. 411.

разных рас до внутренней солидарности между членами общества разного социального статуса, принадлежащими к разным возрастным когортам и полам. На пропагандистских иллюстрациях можно видеть репрезентации «дружбы», например, между двумя девочками и мальчиком дошкольного возраста из «трёх частей света» (интересно, что на этом фото мальчик занимается с куклой, а девочки с конструктором, вопреки расхожим гендерным клише; если фото постановочное, то речь может идти о преднамеренной инверсии)¹⁵; между пионерами, девочками и мальчиками младшего и среднего школьного возраста, и представителями Народной полиции (женщиной и мужчиной)¹⁶; между взрослыми девушками, представительницами трёх рас¹⁷.

В 1980-е гг. призыв «За мир против расизма» также был одним из слоганов, внушавшихся системой социалистического воспитания и «звучавших» на трёх языках (немецком, русском и английском) с почтовых марок, которые школьницы ГДР наклеивали на конверты, отправляя свои письма.

Главным условием возникновения и поддержания интернациональной дружбы между школьниками из соцстран становилось изучение иностранных языков. Процесс носил асимметричный характер, поскольку русский язык был обязательным предметом.

В ГДР признание важности изучения иностранных языков имело идеологическое обоснование. В энциклопедии 1962 г., обращённой к женщинам и девочкам ГДР, в разделе «Воспитание» сообщалось, что «изучение одного или нескольких иностранных языков» не только «улучшает владение родным языком, расширяет картину мира», но и «способствует дружбе народов»¹⁸. По этой причине «дети в ГДР уже с 5-го класса (в так называемых Р-классах уже с 3-го учебного года) изучают русский язык, язык *самого большого народа дружественного Советского Союза*»¹⁹. При этом не исключалась возможность овладения в школьные годы вторым иностранным языком, в качестве которого могли преподаваться французский, английский или один из языков «*дружественных народных демократий*»²⁰. Подобный подход к обучению гарантировал особый идеологический статус русского языка в ГДР среди прочих иностранных языков.

Отношение к немецкому языку в СССР менялось от послевоенного неприятия до признания во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. В то время немецкий язык был более распространён в советских школах, чем английский или французский. Тогда же стали появляться специализиро-

¹⁵ Kinder aus drei Erdteilen im Hauptkinderheim Königsheide bei Berlin // Kleine Enzyklopädie: Die Frau / Hg. Irene Uhlmann unter Mitarbeit von L.Mallachow, G. Thomas-Petersein, I. Brandt. Leipzig, 1962. Foto zwischen S. 160–161.

¹⁶ Die Volkspolizei ist Freund und Helfer unserer Jugend – Verkehrspolizisten mit Jungen Pionieren // ebd.

¹⁷ Junge Frauen aus aller Welt, in Freundschaft verbunden // ebd. Foto zwischen S. 384–385.

¹⁸ Erziehung // Kleine Enzyklopädie: Die Frau... S. 199.

¹⁹ Ebd.

²⁰ Ebd.

ванные школы с углублённым изучением немецкого языка (*Schule mit erweiterter Deutschunterricht*), в которых обучались не целым классом, как ранее в обычных школах, а по группам. Так, в Калининской школе с преподаванием ряда предметов на немецком языке открылась в 1963 г.

Явлением советской школьной повседневности стали Клубы интернациональной дружбы – так называемые КИДы, посредством которых инициировалась дружеская переписка школьников – пионеров ГДР и СССР. Возраст пионерского детства рассматривался как оптимальный для коммуникации и межкультурного обмена. Часто межкультурный обмен сводился не только к обмену письмами, но и небольшими артефактами – предметами детского коллекционирования – марками, стикерами, переводными наклейками, открытками, календариками, значками. Девочки проявляли большую склонность к ведению переписки, чем мальчики, так как это требовало затрат времени, определённых дисциплинирующих усилий и более высокой языковой подготовки. Само по себе ведение переписки есть поддержание социальных связей, создание «сети отношений» (термин К. Гиллиган). Мальчики чаще вступали в переписку не ради самого общения или языковой практики, а вследствие своего хобби и мотивации к получению, например, необычных почтовых марок.

Дискурс письма школьницы из ГДР: идеологическое и личное. Письмо иностранной подруге – один из значимых текстов детской повседневности в социалистических обществах. Переписка, несмотря на то, что она официально поощрялась и власть, очевидно, усматривала в ней способ интернационализации подрастающего поколения и внушения должных идеологических представлений, а также косвенный контроль над умами, самими школьницами считалась интересным и увлекательным занятием. В противном случае она просто не смогла бы прижиться.

Одна из причин этого – дефицит информации о мире, о Другом и Других, интерес к которым неистребим вопреки всем запретам. Следует иметь в виду общую рутинность жизни в позднесоциалистических обществах. В СССР 1980-е гг. – разгар эпохи «застоя». ГДР клонировала и этот недостаток советской системы. Однако субъективно детство – время, не подвластное скуке. Поэтому среди школьных увлечений переписка становилась своего рода «глотком свежего воздуха», несмотря на известную условность данного выражения.

Среди мотиваций к ведению интернациональной переписки – стремление не только к узнаванию «нового», но и к расширению круга общения, к практике иностранного языка, а в перспективе – при условии возникновения эмоциональной привязанности между адресатами – к посещению «другой» страны.

Обрести подругу по переписке можно было и по официальным каналам – через школьный КИД, и спонтанно через публикуемые адреса или отправку письма без конкретного адреса с указанием страны, города и ремарки «какой-то основной школе». Однако наиболее надёжными и устойчивыми оказывались контакты, устанавливаемые посредством личных связей, например: знакомство с родственниками одной из сторон межэтниче-

ского брака (чаще речь шла о выходе советской девушки замуж за немца из ГДР) или с обучавшимися в СССР студентками из ГДР, у которых были младшие сёстры; передача по наследству от матери к дочери эстафеты переписки, превращавшейся в своего рода семейную традицию на протяжении нескольких десятилетий. К сожалению, эти долговременные связи были разрушены крушением социалистического мира, т. е. именно в нём они имели особое функциональное предназначение.

Письма иностранных школьниц сочетали в себе три компонента «иной» повседневности: собственно «другое», идеологическое и личное.

Маркеры «**другого**», относящиеся к внешней форме, – неунифицированные конверты, по виду, форме и размеру отличавшиеся от советских; «незнакомый» штемпель с надписью на иностранном языке; «необычный» почерк, воспроизводящий адрес назначения; отличный от советского стандарт написания обратного адреса; зарубежные марки; «непривычная» бумага. В ГДР существовала специальная бумага для детских писем, на которой, как правило, писалось первое письмо-знакомство. Она представляла собой двусторонний разворот в широкую линейку для тех, кто учится писать, с цветным изображением на первой странице. Уже по получении – ещё до вскрытия – письмо от школьницы из ГДР воплощало для её советской подруги по переписке образ Другого, служило своего рода порталом в притягательное инокультурное пространство.

Маркеры «**идеологического**», касающиеся прежде всего внутреннего канонического содержания, – *тематика почтовых марок* («Deutsche Demokratische Republik – Berlin – Palast der Republik – 10», «Deutsche Demokratische Republik – Berlin – Leninplatz – 20», «Deutsche Demokratische Republik – Berlin – Alexanderplatz – 25», «Für Frieden gegen Rassismus – DDR – Paul Robeson 1898–1976 – 20», «35 Jahre DDR 1949–1984–Waffenbrüderschaft – DDR – 20», «40 Jahre RGW – DDR – 20», «35 Jahre Kampfgruppen der Arbeiterklasse – DDR – 10»), *упоминания в письмах пионерской иерархии* («In der DDR ist es anders deshalb bin ich schon seit der 1. Klasse Pionier») (Письмо А. Мühle от 23.06.1981); «В ГДР есть юные пионеры, Тельманпионеры и FDJler (Комсомольцы). У юных пионеров синие галстуки и белые блузки, у Тельмановцев пионеров красные галстуки, белые блузки с эмблемой, а у FDJ (Комсомол) синие блузки с эмблемой (у юных пионеров такое же эмблем как у Тельмановцев пионеров). Когда мы приедем в Калинин, я тебе может привезу синей и красный галстуки и эмблемы» (Письмо А. Мühle от 03.07.1983) (здесь и далее орфография и пунктуация писем школьниц ГДР на иностранном для них русском языке сохранены. – А. Б.), *трудового воспитания* («... я две недели работала вместе с другими девушками своего класса на заводе. Мы красили забор этого завода. <...> После этого я работала две недели в спортивном лагере у нас в Шнейдлингене. Здесь детей учат плавать. Так я провела свои каникулы» (Письмо Е. Müller от 26.09.1982)), *памятных дат и позитивных санкций* («В день рождения Эрнста Тельмана меня наградили грамотой и значком за пионерскую работу» (Письмо А. Мühle от 30.04.1981)), *офици-*

альных массовых мероприятий («Zum 1. Mai war ich auch zur Demonstration mit meinem Vati» (Письмо А. Мühle от 23.06.1981)), поздравления с коммунистическими праздниками («Herzliche Grüße und beste Wünsche zum 1. Mai» (Письмо А. Мühle от 30.04.1981)); «Поздравляю тебя с праздником Октября. Желаю тебе крепкого здоровья и успехов в учёбе» (Письмо А. Мühle от 10.11.1981); «Поздравляю тебя ещё с праздником великого Октября, хоть и с опозданием» (Письмо А. Мühle от 18.11.1984)), вложения в виде стикеров («Pioniersignal – X. Parteitag» (Письмо А. Мühle от 30.04.1981)), значков, атрибутов пионерской символики. В случае с упомянутым в одном из писем «днем рождения Эрнста Тельмана» речь шла о его 95-летию – о дате 16.04.1981 г., так как лидер немецких коммунистов родился 16.04.1886 г. Школьницы из ГДР и СССР могли ознакомиться с опубликованными автобиографическими записями Э. Тельмана, сделанными в фашистской каторжной тюрьме и хранившимися впоследствии в Центральном партархиве в Институте марксизма-ленинизма²¹.

Вместе с тем не все почтовые марки были посвящены исключительно государственно-идеологической тематике. Среди тех, что наклеивали на конверты школьницы ГДР, встречались такие, которые несли общекультурную, гуманитарную и страноведческую информацию, например: марки, посвящённые «прогрессивным» писателям («Johannes R. Becher 1891–1958 – Vers aus “Jahrhundert” – DDR – 20», «Ludwig Renn 1889–1979 – 11 Brigada internacional – DDR – 10»), художникам («Carel Fabritius, 1622–1654 – Die Torwache – Staatliches Museum Schwerin – 1982 – DDR – 20»), памятникам культурного наследия («Staatliche Schlösser und Gärten – Potsdam-Sanssouci – Schloß Sanssouci – DDR – 10»), спортивным состязаниям («Vilturn- und Sportfest IX. Kinder- und Jugendspartakiade – DDR – 20»), видам транспорта («Schubschiff – DDR – 10»), представителям флоры («Leuchtenbergia principis – DDR – 20») и фауны («Brillenbär – Vom Aussterben bedrohte Tiere – DDR – 20»), крупным интернациональным форумам, таким, как известная Лейпцигская ярмарка («Leipziger Frühjahrsmesse 1983 – Messehaus Petershof – DDR – 10», «Leipziger Frühjahrsmesse 1983 – rabatron Mikrorechner – DDR – 25»). Для адресатов писем – советских школьниц – это воплощало значимую информацию о Другом в процессе межкультурной коммуникации, являясь в том числе источником не доступных иными путями познавательных сведений о мире.

Маркеры «лично», свидетельствующие о внутреннем внеканоническом содержании, – рассказы о себе (допускающие разночтения при известной стандартности формы): «Ich heiße Anja Mühle. Ich bin 8 Jahre alt und gehe in die 2. Klasse» (Письмо А. Мühle (б/д) от 1981); «Я живу хорошо. Я учусь хорошо. <...> У меня тоже есть друзья. Кай учится со мной а Аннетте в 3 классе» (Письмо А. Мühle от 30.04.1981); «Ich wohne gut. Ich lerne gut. <...> Я уже в прописях писала. Я была с бабушкой и Олей в цирке» (Письмо А. Мühle от 23.06.1981); «Сейчас я хожу в новую школу. Там я

²¹ См.: *Küchenmeister W. und C., Koepf V.* Als Thälmann noch ein Junge war. Berlin, 1976.

учу русский язык» (*Письмо А. Mühle от 14.09.1981*); «Мне теперь далеко до школы ездить. Я хорошо учусь и живу» (*Письмо А. Mühle от 17.10.1982*); «Я сейчас болею» (*Письмо А. Mühle от 02.12.1983*); *о семье и домашних питомцах*: «У меня есть два брата и сестра. Моя мама работает учительницей. Мой отец работает крановщиком. Мой брат женат. <...> Мы живём в большом доме. Наша семья пока еще живёт в старом доме» (*Письмо Е. Müller от 02.03.1982*); «Мы скоро переедем. Потом тебе новый адрес напишу» (*Письмо А. Mühle от 02.09.1982*); «У нас теперь новый член семьи, маленькая кошка. Мы её получили неделю назад. Её зовут Пуци» (*Письмо А. Mühle от 28.12.1986*); «Сегодня будем праздновать Олин день рождения. Мы 27ого февраля купили хомячка. Его зовут по-русски Ванюшка, а по-немецки Оскар. Он весь день спит. Только вечером можно с ним играть. Он маленький и почти розовый» (*Письмо А. Mühle от 08.04.1984*); «Оля сейчас тоже перешла в мою школу с расширенным преподаванием русского языка. Ей там нравится» (*Письмо А. Mühle от 22.10.1985*); *о хобби и достижениях*: «Ich gehe Turnen und singe im Schulchor» (*Письмо А. Mühle (б/д) от 1981*); «Zur Spartakiade habe ich eine Goldmedalie gewonnen. Ich lese "Das Geheimnis"» (*Письмо А. Mühle от 23.06.1981*); «Я читаю "Волшебник изумрудного города"» (*Письмо А. Mühle от 22.12.1981*); «Я сей час читаю "Vierbeinige Freunde". Эта книга о зверях. Это очень интересная книга» (*Письмо А. Mühle от 17.10.1982*); «Я читаю "Tinko". Это книга о жизни в деревне после основание ГДР. <...> Ich habe die 2. Schwimmstufe. Es klappt sehr gut» (*Письмо А. Mühle от 02.09.1982*); «Я сейчас читаю "Четвёртая высота". Это книга про жизнь Гулли Королёвой» (*Письмо А. Mühle от 03.07.1983*); «Я сейчас изучаю французский язык: один раз в неделю по часу. Мне это очень интересно и нравится. Я сейчас читаю "Белый Бим чёрное ухо"» (*Письмо А. Mühle от 15.01.1984*); «В моё свободное время я всё ещё хожу плавать и занимаюсь французским. В школе я изучаю ещё английский язык. Я сейчас читаю "Избранное" А. Беляева» (*Письмо А. Mühle от 22.10.1985*); *о планах на каникулы*: «Сейчас у меня каникулы. Я поеду отдыхать к бабушке» (*Письмо А. Mühle (б/д) от 1981*); «С 23.12. до 5.1.87 у нас каникулы. Я почти всё время дома. Только 31.12./1.1.87 мы уезжаем в гости» (*Письмо А. Mühle от 28.12.1986*); «Летом я можит быть поеду в Калинин и я тебе всё расскажу. О каникулах я уже не буду писать, только о осенних каникулах. На каникулах я буду одна дома» (*Письмо А. Mühle от 17.10.1982*); *о поездках, в том числе обязательных посещениях СССР и международных пионерских лагерей*: «На каникулах я была у тётки, на даче и в Erzgebirge. В Liebstadt'e, самом маленьком городке ГДР, мы были в музее Schloss Kukuckstein» (*Письмо А. Mühle от 14.09.1981*); «23.5.83 мы были в Кифхойзер в замке Кифхаузен. Там был музей о городе и замке. Мы видели колодец. Он был очень глубокий, 100 метров» (*Письмо А. Mühle от 03.07.1983*); «Ты наверное удивляешься от куда я тебе пишу. Я с классой в Москве с 1 до 6 февраля. Мы живём в гостинице. Здесь у нас очень интересная программа. Каждый день вудет много достопримечательностей» (*Письмо Е. Müller от*

01.02.1984); «Летом я буду с 31.7. до 18.8.1984 в Киеве с делегацией из города Лейпцига. Ты знаешь как я рада! Это далеко от Калинина но всё равно. В каком лагере мы будем жить я ещё не знаю» (Письмо А. Mühle от 08.04.1984); «В Киеве было очень хорошо. Мы были (наша делегация) в лагере, в часе езды от Киева. Лагерь называется “Юность”. Там были советские пионеры, словацкие пионеры из Братиславы и мы. В первые дни мы осматривали Киев. Мы совершили одну поездку на пароходе и много автобусных экскурсий по городу. Мы были в Музее Ленина, на ВДНХ, у памятника Матери-Родине, в пещерах монастыря “Лавра”, на Крещатике, в универмаге “Украина”, в зоопарке. Несколько раз делали лагерный костёр. У меня появилось много друзей из Братиславы, с которыми я теперь переписываюсь» (Письмо А. Mühle от 18.11.1984) (здесь и далее пер. с нем. мой. – А. Б.); *о произошедших интересных событиях* (часто более детализированные и написанные по-немецки о реалиях, не входивших в круг обязательного знания советских школьников): «На прошлой недели мы праздновали Пасху. У нас – это детский праздник. Вот приходит пасхальный заяц и прячет разноцветные пасхальные яйца и сладости. Дети должны их искать» (Письмо А. Mühle от 30.04.1981); «Каникулы были очень хорошие. В летнем лагере для школьников был ночной поход. Заключительный праздник также был прекрасный. Каждая группа показывала программу. Конечно, были и другие события» (Письмо А. Mühle от 02.09.1982); «У нас в ГДР от 1.4.83 – 3.4.83 пасха. Это детский праздник. На пасху приходит заяц, как на Новый год Дед Мороз. Он прячет подарки и гостинцы в саду. Их нужно искать. Это очень весело» (Письмо А. Mühle от 12.04.1983); «В воскресенье у нас начались предрождественские дни. В городе открылась рождественская ярмарка. На центральной площади города (Рыночная площадь) стоит большая ёлка. Вокруг построены всякие киоски, тир, карусели для больших и маленьких, Лес сказок, дорога привидений и другие аттракционы. Это ярмарка будет работать до самого рождества» (Письмо А. Mühle от 02.12.1983); *случайные высказывания о переписке*: «Я несколько недель назад начала писать тебе письмо. Но потом не было времени его закончить. По этому я сегодня решила тебе писать новое письмо» (Письмо Е. Müller от 26.09.1982); «Ну больше я не могу писать, мне нужно убирать!» (Письмо А. Mühle от 17.10.1982); «Больше уже нечего рассказывать» (Письмо А. Mühle от 12.04.1983); «Мне, честно сказать, было и немножко лень писать, ну и времени не очень много было» (Письмо А. Mühle от 08.04.1984); *поздравления с личными датами и внеидеологическими праздниками*: «Всего хорошего желаю я тебе в Новом году и успехов в учебе!» (Письмо А. Mühle от 22.12.1981); «Мы, все Мюллера в Шнайдингене, поздравляем тебя сердечно с днём рождения. Желаем тебе крепкого здоровья, большого счастья, успехов в учебе и много радости в жизни» (Письмо Е. Müller (б/д)); «Поздравляю тебя с днём рождения хоть и с опозданием но от всей души» (Письмо А. Mühle от 12.04.1983); «Поздравляю тебя с Новым годом, желаю тебе счастья, здоровья, успехов в учёбе и всего хорошего в новом году 1987» (Письмо А. Mühle от 28.12.1986); *благодарности за пересылаемые презенты и предметы обмена*: «Herzlichen dank für die Kalender und die

Bücher» (*Письмо А. Mühle (б/д) от 1981*); «Спасибо за книгу и прописи» (*Письмо А. Mühle от 23.06.1981*); «Мы получили вашу посылку и очень обрадовались. Огромное вам спасибо. Отец уже пользуется лампой. Он доволен» (*Письмо Е. Müller от 26.09.1982*); *вложения фото с городскими видами, переводных картинок с изображениями цветов, бабочек и др.*: «Я тебе посылаю переводные картинки. Они немножко по-другому делаются. Их нужно так долго под водой держать, пока они не отклеются и снять. Потом их можно куда хочешь наклеить» (*Письмо А. Mühle от 05.03.1982*); «Я тебе снова посылаю переводные картинки. Ты же ещё знаешь как их снимать?!» (*Письмо А. Mühle от 17.10.1982*); «Я тебе посылаю фотографию из серии “Лейпциг конца XIX в., начало XX в.”» (*Письмо А. Mühle от 02.10.1983*); «Я посылаю тебе две открытки из серии “Лейпциг в XVIII веке” и переводные картины для пасхи» (*Письмо А. Mühle от 08.04.1984*); *практика взаимного посещения*: «Скоро мы навестим мою сестру. И тогда же мы заодно посетим и тебя» (*Письмо Е. Müller от 31.05.1982*); «Мы уже 2 недели живём в новой квартире. Она очень большая. Может ты сможешь когда-то ко мне в гости приехать» (*Письмо А. Mühle от 17.10.1982*); «В Калинин мы приедем 24.7.83 вечером, а уедем 12.8.83 или 13.8.83» (*Письмо А. Mühle от 03.07.1983*); *оформление приглашений*: «Таня, не хотите ли вы к нам приехать в гости? Мы были бы все очень рады. Давайте, мы вам сделаем приглашение, которое действительно целый год, и вы можете в течение этого года приехать, когда вам хочется, и оставаться здесь целый месяц. Для этого не надо, чтобы вы сейчас уже знали, когда точно приедете. Всё это очень не трудно для нас и делается быстро. Мы уже взяли в милиции бланки для приглашений, но нам ещё нужны следующие данные от тебя и твоих родителей: фамилия, имя, отчество, дата рождения и адрес, по которому вы прописаны. Это и всё уже. Давайте приезжайте! У нас дом большой и мы ждём гостей. Если твои родители не могут или не хотят целый месяц оставаться у нас, тогда только ты останешься, а в конце месяца я с тобой поеду обратно в Союз на “практику русского языка”» (*Письмо Е. Müller от 26.09.1982*).

Обращают на себя внимание билингвизм писем, особенности перехода с иностранного языка на родной при лексических затруднениях, специфическое сочетание в пределах одного письма идеологических реалий ГДР и внеидеологических, отличающихся от советских. Например, следующие друг за другом в письме рассказы о праздновании дня рождения лидера немецких коммунистов Э. Тельмана и главного христианского праздника Пасхи свидетельствуют о бесконфликтном сосуществовании этих, казалось бы, взаимоисключающих событий в сознании школьниц ГДР и трансляции их советским подругам по переписке, для которых это был недоступный жизненный опыт. В ГДР же, не прошедшей в своей истории через эпоху «воинствующего атеизма», религиозные смыслы не табуировались, а подвергались реинтерпретации в «безопасной» для господствующей марксистско-ленинской идеологии форме. Так, центральное событие христианства – духовное воскресение – истолковывалось как весёлая, красочная и «слад-

кая» детская игра «в прятки», в которой «пасхальный заяц» заменил образ Иисуса Христа. С одной стороны, это означало новую символизацию прежних реалий и традиций, с другой – вводило их так или иначе в круг обязательного знания и не исключало полностью из картины мира школьников ГДР. Последние, сообщая данную информацию советским сверстникам, произвольно расширяли их представления о мире.

Резюмируя соотношение идеологического и личного в письмах школьников из ГДР, возникает вопрос, перефразируя известный лозунг второй волны феминизма: личное есть идеологическое? Ответ в данном случае – и да, и нет. Идеологические маркеры, безусловно, проникают на страницы детских писем как структурирующие сознание и повседневность. Но, будучи усвоенными и присвоенными формально, они вместе с тем выступали способом профанации социалистической идеологии.

Повседневность школьников ГДР как «своя» пережитая история. Переписываясь с девочками из ГДР, советские школьницы обретали уникальный опыт «иной» повседневности, который в процессе присвоения становился как бы их собственной «пережитой историей».

Это присвоение облегчалось и обеспечивалось сопоставимостью школьной мифологии ГДР и СССР, рассчитанной на узнаваемость и построенной по принципу прямых аналогий. Составляющие этой мифологии: особая дата начала государственности, открывающая новую эру (своего рода символическое летосчисление) в истории народа – у «нас» сакрализация 1917 года, у «них» 1949-го; «наш» сакрализованный вождь, он же лидер большевистской, предшественницы коммунистической, партии, Ленин – это «их» Тельман, при этом и один, и другой позиционируется как «друг детей»; соответственно в СССР пионеры – «юные ленинцы», в ГДР – «тельмановцы» (с 1952 г.), фирменный бренд и тех, и других – алый пионерский галстук, который (цитируя детское стихотворение) «с нашим знаменем цвета одного» и одновременно с «цветом пролитой за революцию крови»; «наша» газета «Пионерская правда» – «их» “Trommel”; «наш» комсомол – «их» FDJ; газете «Комсомольская правда» соответствует газета “Junge Welt”; наконец, верховный «гарант» устойчивости картины мира советских школьников всех возрастных категорий – Л. И. Брежнев, школьников ГДР – Э. Хонеккер, традиционно сливающиеся в глубоком поцелуе на фото газетных передовиц и видео с официальных встреч. Образ личной и государственной приязни вождей «братских компартий» служил наглядной иллюстрацией к билингвистической песне 1975 г. «Drushba – Freundschaft» (Worte: Viktor Uhrin, Weise: Wladimir Schainski) об «одинаковых целях» «наших народов», «единстве помыслов и чувств и нерушимости братских уз», резюмировавшей «всегда мы вместе, ГДР и Советский Союз»²². Обращаю внимание, что слово «всегда» много значит для детско-

²² Drushba – Freundschaft // *Эстепрайхер 3*. Мы поем по-немецки: сб. песен для учащихся 2–10 классов. 2-е изд. М., 1976. С. 118–119.

Drushba – Freundschaft, Jesterrajher Z., *My poem po-nemecki*, sb. pesen dlja uchashhsja 2–10 klassov, 2-e izd, M., 1976, S. 118–119.

го сознания (да и не только детского), создавая дизайн незыблемости, неизменности раз и навсегда закреплённого порядка. Выбивание хотя бы одного кирпичика из мифологического здания ведёт к началу его полной деконструкции.

Подводя итоги, можно утверждать, что конструирование аналогий – одна из стратегий понимания и принятия Другого в межкультурном взаимодействии ГДР и СССР в эпоху позднего социализма. Для советских школьников ГДР – самый «близкий» и «понятный» Другой из всего социалистического лагеря. ГДР атрибутировалось историческое зарождение коммунизма, быть символической «родиной» его теоретиков и основоположников К. Маркса и Ф. Энгельса, а позднее быть связанной с выдающимися борцами К. Либкнехтом и Р. Люксембург. Наличия же таких «досадных недоразумений», портивших стройную картину, как, например, К. Каутский или ФРГ, в канонической версии мифологии ГДР старались как бы «не замечать».

Для тех же, кто в 1980-е гг. состоял в переписке с иностранными подругами, образ ГДР был воплощением «понимаемого» и «принимаемого» Другого, игравшего важную роль в идентификационных процессах позднесоциалистического общества. Конструкт Другого необходим для самоидентификации. Крушение социализма привело к исчезновению многих социальных и культурных реалий и переоценке отношения ко многим вещам, но интернациональная дружба по переписке остается своего рода «неприкосновенным запасом», «оазисом» детства, позитивным ресурсом социалистического опыта, поэтому такие письма до сих пор хранятся в домашних коллекциях, несмотря на многочисленные переезды и изменения интерьеров.

Список литературы

1. *Bausinger H.* Erlebte Geschichte – Wege zur Alltagsgeschichte // Saeculum 43. 1992. S. 95–107.
2. *Burkardt A.* «Am Leben gescheitert?» Die Kritik der Mentalitätsgeschichte in Frankreich und der Alltag // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Berliner Geschichtswerkstatt (Hrsg.). [Red.: Heike Diekwisch et al.]. 1. Aufl. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. 360 S.: Ill.; (dt.) S. 59–77.
3. *Groh D.* “Geschichte von unten – Geschichte von innen”. Blick über die Grenzen // Groh D. Anthropologische Dimensionen der Geschichte. 1. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 320 S. (Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft; 992). S. 175–181.
4. *Grosser A.* Geschichte Deutschlands seit 1945: Eine Bilanz / 2. Auflage. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1975. 524 S.
5. *Küchenmeister W. und C., Koepf V.* Als Thälmann noch ein Junge war. Berlin: Kinderbuchverlag, 1976. 62 S.

**CONCEPT «INTERNATIONAL FRIENDSHIP» IN IDEOLOGY
AND EVERYDAY LIFE OF LATER SOCIALIST SOCIETIES IN
THE GDR (GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC) AND THE
USSR (UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS)**

A. V. Belova

The Tver' State University, the Department of World History,
Tver', Russia

The article is an analysis of the unexplored problem of the of international friendship by correspondence schoolgirls in societies of late socialism in the GDR and the Soviet Union, speaking at the same time an element of their daily life and the way of constructing the image of socialist everyday life. Basing on unpublished materials of letters, published normative and ideological sources, written and visual, are analyzed the correlation of «ideological» and «non-ideological» in letters of schoolgirls in GDR. Special attention is paid to functionality and gender of international correspondence of schoolgirls, discourse of letter addressed to foreign counterparts, the influence of the image of the «other» everyday to intercultural perceptions and attitudes proper to «their» daily. The author arrives at a conclusion that GDR was for the Soviet schoolgirls the «close» and «understandable» Otherwise of the socialist camp.

Keywords: *intercultural interaction, the history of the GDR, late socialism, socialist ideology, international friendship, history of everyday life, children's everyday life, women's history, gender, gender studies.*

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, заведующая кафедрой, кафедра всеобщей истории, Тверской государственной университет, (170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: belova_tver@rambler.ru

About the author:

BELOVA Anna Valer'evna – the Doctor of History, the Head of the Department, the World History Department, the Tver' State University, (170100, Tver', Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: belova_tver@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 14.01.2018.